

RU

Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов

Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П.

Аннотация. В статье анализируются повести «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева и «Школа» А. Гайдара, с одной стороны, продолжающие традицию Bildungsroman в русской прозе, а с другой – предвосхищающие зарождение литературы соцреализма. Цель исследования – выявить особенности воплощения жанровой традиции романа воспитания в них. Научная новизна состоит в том, что впервые анализ фазы соцреалистического протоканона предпринят в контексте проблемы романа становления личности на материале произведений А. Гайдара и Н. Огнева, что позволяет не только расширить научное представление о художественном своеобразии соцреализма и его хронологических границах, но и осмыслить специфику преломления традиции Bildungsroman в них. Полученные результаты показали, во-первых, что жанровая традиция романа воспитания, репрезентованная в этих текстах, воплощает общую универсальную идею соцреалистического романа – воспитание трудящихся в духе социалистического реализма. Во-вторых, маркерами соцреалистического сознания, носителями которого становятся главные герои, являются четко сформированная позиция по отношению к буржуазному классу, обостренное чувство справедливости. В-третьих, герои А. Гайдара и Н. Огнева еще не пришли к исключительной «положительности»: процесс преобразования Кости Рябцева и Бориса Горикова идентичен – это путь от стихийности к осознанному послушанию партии. Наконец, в отличие от героев социалистического реализма, траектория развития личности героев А. Гайдара и Н. Огнева – это движение вниз, вплоть до точки, за которой следует символическая смерть.

EN

Features of representation of the genre tradition of the Bildungsroman in the Russian prose of the late 1920s

O. Y. Osmukhina, E. P. Ovsyannikova

Abstract. The article analyzes the novellas “Kostya Ryabtsev’s Diary” by N. Ognev and “School” by A. Gaidar, which, on the one hand, continue the Bildungsroman tradition in Russian prose and, on the other hand, anticipate the birth of socialist realist literature. The aim of the study is to identify the features of the embodiment of the Bildungsroman genre tradition in these novellas. The study is original in that it is the first to analyze the phase of the socialist realist proto-canon in the context of the problem of the novel of personality formation based on the works of A. Gaidar and N. Ognev, which allows us not only to expand the scientific understanding of the artistic distinctness of socialist realism and its chronological boundaries, but also to comprehend the specifics of the refraction of the Bildungsroman tradition in them. As a result, it was found, firstly, that the genre tradition of the Bildungsroman, represented in these texts, embodies the general universal idea of the socialist realist novel – the education of workers in the spirit of socialist realism. Secondly, the markers of socialist realist consciousness, carried by the main characters, are: a clearly formed position in relation to the bourgeois class, a heightened sense of justice. Thirdly, A. Gaidar’s and N. Ognev’s protagonists have not yet come to an exclusive “positivity”: the process of transformation of Kostya Ryabtsev and Boris Gorikov is identical – it is a path from spontaneity to conscious obedience to the party. Finally, unlike that of the heroes of socialist realism, the personal development trajectory of A. Gaidar’s and N. Ognev’s heroes is a downward movement, down to the point of symbolic death.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа произведений А. Гайдара и Н. Огнева как фазы формирования соцреалистического канона (протоканона), поскольку именно они «подготовили»

универсальную модель соцреалистического романа, определив во многом его структуру в последующие десятилетия. Подчеркнем, что в связи с интересом в последние десятилетия гуманитаристики к феномену соцреализма (Добренко, 1997; 2007; 2020) устранение лакун в его изучении представляется весьма перспективным и своевременным.

Ключевыми задачами настоящего исследования стали следующие: представить обзор научного осмысления романа воспитания на Западе и в России; проанализировать ключевые особенности Bildungsroman в произведениях Н. Огнева и А. Гайдара.

Материалом статьи послужили произведения, продолжающие традицию романа воспитания, – «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева (1926) и «Школа» А. Гайдара (1929), которые по времени создания относятся к фазе протоканона, а также роман Н. Островского и стенограмма Первого съезда советских писателей:

- Гайдар А. Школа. М.: Детская литература, 1967.
- Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. М.: Детская литература, 1988.
- Островский Н. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Молодая гвардия, 1974. Т. 1. Как закалялась сталь.
- Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1934.

Ключевыми методами нашего исследования являются, во-первых, метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому творчество А. Гайдара и Н. Огнева рассматривается в единстве их поэтики и проблематики; во-вторых, сравнительно-исторический метод, который позволил нам сопоставить творчество А. Гайдара и Н. Огнева с каноническими образцами социалистического реализма; в-третьих, типологический метод, с помощью которого мы выявляем произведения, репрезентующие тип Bildungsroman как фазы протоканона соцреалистической литературы.

Прежде чем говорить о соцреалистическом романе воспитания, необходимо четко определить, какие тексты правомерно будет отнести к соцреалистической литературе вообще. Примечательно, что ряд исследователей (Clark, 2000; Литовская, 2008; Синявский, 1988) называют каноническими текстами соцреализма романы, написанные до 1934 года – момента официального утверждения устава на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, в котором впервые было сформулировано определение соцреализма как основного метода советской художественной литературы и литературной критики (Clark, 2000, р. 716). Так, к канону относят «Мать» М. Горького, «Чапаева» Д. Фурманова, «Цемент» Ф. Гладкова. К. Кларк объясняет это следующим образом: «После того, как соцреализм “создали”, многие его образцы стали прочитываться иначе, чем во время их написания» (Clark, 2000, р. 18) (здесь и далее – перевод наш. – О. О., Е. О.). Исследовательница отмечает, что каждое из произведений одновременно стало и образцом, и предшественником: «“Разгром” как предтеча не равен “Разгрому”-образцу» (Clark, 2000, р. 18). Эти романы не создавались как образцы, но впоследствии были выбраны в качестве таковых. Подтверждает эту мысль и сам устав: «За годы пролетарской диктатуры советская художественная литература и советская литературная критика, идя с рабочим классом, руководимые коммунистической партией, выработали свои, новые творческие принципы», которые «нашли главное свое выражение в принципах социалистического реализма» (Первый Всесоюзный съезд..., 1934, с. 716). Однако, на наш взгляд, отсутствие четкой периодизации в этом вопросе чревато путаницей по отношению к другим художественным текстам 1920-х годов, в результате чего может возникнуть тенденция к искусственному «раздуванию» границ социалистического реализма.

Теоретическую базу нашего исследования составляют, во-первых, отечественные и западные работы, посвященные осмыслению традиции романа воспитания (Бахтин, 1975; 2000; Демченкова, 2001; Диалектова, 1972; Краснощекова, 2008; Пашигорев, 2005); во-вторых, труды по изучению феномена соцреализма (Биберган, Богданова, 2024; Гюнтер, 2000; Добренко, 1997; 2007; 2020; Лейдерман, 2000; Литовская, 2008; Синявский, 1988; Шалагинов, 2006; Clark, 2000; Gerhard, 1926; Gunther, 1990; Jacobs, 1972; Kirchner, 2008; Selbmann, 1984; Jost, 1969), в которых описан процесс формирования соцреалистического канона и выявлены его особенности. На наш взгляд, наиболее убедителен в своих рассуждениях Х. Гюнтер (2000), который, исходя из исторического процесса развития советского общества, выделяет пять фаз, через которые прошел социалистический реализм за время своего существования: подготовительная фаза протоканона, фаза канонизации, фаза применения канона, фаза деканонизации и постканонический этап (Gunther, 1990, р. 197; Гюнтер, 2000, с. 181-182). Такое деление, по нашему убеждению, представляется весьма удачным, поскольку хронологическими рамками оно очерчивает круг текстов, относящихся к той или иной фазе. Таким образом, если принять во внимание периодизацию Х. Гюнтера, избранные нами тексты относятся к фазе формирования канона, поскольку они «подготовили» универсальную модель соцреалистического романа.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории жанра, жанровой специфике романа воспитания, а также соцреалистической словесности.

Обсуждение и результаты

Теоретико-литературное осмысление романа воспитания на Западе в России

Общеизвестно, что роман воспитания – разновидность жанра романа, по мнению ряда исследователей, генетически восходящая к памятникам средневековой литературы, рыцарским сказаниям, плутовскому

роману эпохи барокко и получившая законченную классическую форму в творчестве немецких просветителей – К. М. Виланда и И. В. Гете. Свое развитие жанр продолжил уже в русле романтической традиции немецких и английских писателей, а затем воплотился и в реалистической словесности.

Исследование Bildungsroman стало предметом научных интересов многих ученых. Несмотря на общепринятое мнение о том, что термин “Bildungsroman” впервые был употреблен К. Моргенштерном, ряд исследователей (Демченкова, 2001, с. 20; Диалектова, 1972, с. 31-32) указывают на более раннее его бытование в немецком литературоведении. Уже в XVIII в., в частности в 1774 г., в труде Ф. Блакенбурга «Опыт о романе» немецкий роман «История Агатоны» К. М. Виланда характеризуется автором как Bildungsroman. А. В. Диалектова (1972, с. 20) отмечает, что, выявляя признаки романного жанра на примере «Истории Агатоны», Ф. Блакенбург таким образом связывает первое серьезное исследование в этой области именно с немецким воспитательным романом. В этом же году И. Гердером (1977) осуществляется одна из первых попыток философского обоснования понятия “Bildung”. Несколькими годами позже концептуальное толкование гуманистического идеала этого понятия было сформулировано В. Гумбольдтом (Kirchner, 2008). Таким образом, в начале XIX в. К. Моргенштерн подошел к феномену Bildungsroman как к уже известному явлению, в результате чего попытался дать его жанровую характеристику. В научный оборот термин был введен В. Дильтеем, и впоследствии им же и были заложены тенденции к углубленному изучению жанра романа воспитания. В немецком литературоведении первой значительной монографией, посвященной роману воспитания, а именно его истокам и формированию вплоть до «Агатоны» Виланда, явилась книга М. Герхард (Gerhard, 1926). Следующим крупным немецким исследованием, в котором была предпринята попытка изложения историко-литературных предпосылок жанра и его философского обоснования, стала работа Ю. Якобса (Jacobs, 1972), в которой, кроме того, содержатся и теоретические замечания (в частности, один из ее разделов посвящен терминологическому вопросу). Основным двигателем сюжета, по мнению исследователя, является конфликт воспитуемого с различными сферами внешнего мира. Немаловажно также, что ученый включает в разновидность романа воспитания и так называемый «роман антивоспитания», считая разочарование героя и утрату иллюзий в финале одной из альтернативных концовок, выравнивающих финал. Весьма примечательна в этой работе также мысль ученого о международном бытовании романа воспитания: не отрицая формирования Bildungsroman на немецкой почве и отмечая, что «имеется разновидность романа, которая, впрочем, является немецкой, типично немецкой, закономерно национальной» (Jacobs, 1972, S. 327), он все же считает нужным избегать в общей оценке его художественного своеобразия поиска исключительно национальных черт, и таким образом, расширяет границы изучения жанра. Наиболее глубоким и детальным подходом в изучении Bildungsroman в немецком литературоведении отличается монография Р. Зельбманна (Selbmann, 1984), в которой рассматривается жанр романа воспитания в историческом аспекте, однако несомненная значимость этой работы все же не исключает того, что в резюмирующей части исследователю не удается четко классифицировать понятия, которыми он активно оперирует: «образовательный роман», «образовательная структура», «образовательная история». Подчеркнем, что обзор истории изучения Bildungsroman в немецком литературоведении обнаруживает недостаточную теоретическую базу: это обусловлено разными методологическими подходами к изучению вопроса, многообразными философскими трактовками идейной составляющей жанра, терминологической неоднозначностью, стремлением охватить обширный материал, отсутствием дифференцированного подхода к изучению.

В русском литературоведении начало изучения жанровой модели Bildungsroman было положено М. М. Бахтиным (1975; 2000). Ученым было сформулировано концептуальное отличие Bildungsroman от других разновидностей романного жанра: «Сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение <...> Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни. Такой тип романа можно обозначить в самом общем смысле как роман становления человека» (Бахтин, 1975, с. 209). Следует сказать, что ранее М. Герхард, давая определение «роману развития», отмечала только одну характерную его жанровую черту: «постепенное развитие и вступление в мир» личности как конечную цель ее пути (Gerhard, 1926). Очевидно, что М. М. Бахтин конкретизирует определение жанра, полагая его основой хронотопическую составляющую – время. Это замечание позволило уточнить характерные черты романа воспитания, такие как наличие ретроспекций и интроспекций, представленных внутренними монологами героя. С опорой на методологию М. М. Бахтина выполнены работы А. В. Диалектовой (1972), В. Н. Пашигорева (2005), Е. А. Краснощековой (2008), О. Ю. Осьмухиной и Е. П. Овсянниковой (2022; 2023).

Жанровая традиция Bildungsroman в произведениях Н. Огнева и А. Гайдара

Жанровая традиция Bildungsroman, репрезентованная в произведениях Н. Огнева и А. Гайдара, воплощает общую универсальную идею соцреалистического романа – «воспитание трудящихся в духе соцреализма». Впервые эта идея была высказана А. Снявским: «В значительной своей части советская литература – это воспитательный роман, в котором показана коммунистическая метаморфоза отдельных личностей и коллективов» (1988, с. 25). К. Кларк отчасти соглашается с этой мыслью, однако предлагает не воспринимать ее буквально, поскольку «соцреалистический роман так ритуализирован, что прогресс героя лишается индивидуальности и самооценности» (Clark, 2000, p. 134). К слову, если воспринимать роман воспитания не в его традиционном варианте, но допустить его возможную трансформацию и адаптацию в соответствии с требованиями своего времени, то довод К. Кларк можно опровергнуть: роман воспитания в соцреалистический период принимает форму своей разновидности – «романа фигуры», в котором, по замечанию В. Н. Пашигорева, «развитие персонажа осуществляется не столько в его психологическом многообразии и противоречивости,

сколько в ракурсе эволюции идейной» (2005, с. 130). Таким образом, становясь повествованием о фигуре, судьба которой заранее запрограммирована, соцреалистический роман сводится к четкой схематизации – он представляет читателю трансформацию и развитие не героя, но идеи: герой изначально обладает всеми необходимыми коммунистическими добродетелями, задача автора – взрастить в нем идеологию большевизма и тем самым популяризировать ее.

Одним из главных отличительных признаков романа соцреализма является положительный герой, на что указывает ряд литературоведов (Clark, 2000; Литовская, 2008; Добренко, 2007; Шалагинов, 2006). Причем его типизированность не позволяет отнести его к наследникам положительных героев XIX в. Шаблонная «положительность» протагониста соцреализма настолько очевидна, что стала предметом нескольких колких замечаний ученых. Так, А. Синявский в своей статье иронизирует над его возросшей силой: «По мере приближения к цели он становится все более положительным, прекрасным, величественным» (1988, с. 29). К. Кларк отмечает, что лишение героя каких-либо индивидуальных черт позволило бы ему «без особых изменений переходить из книги в книгу» (Clark, 2000, р. 56). Действительно, Борис Гориков в произведении А. Гайдара в своей горячности, упрямстве, стихийности, идеологической пылкости через несколько лет воплотится в Павке Корчагине. Пока еще не совсем ритуализированный, не агиографически подчеркнутый, он не раз струсит на пути своего становления, но его «положительность» задана автором изначально и выражена на первых страницах романа в стремлении принадлежать рабочему классу:

«– А к чему ты готовишься? – строго спрашивает мать, подписывая балльник. – <...> Почему опять инспектор пишет, что ты по пожарной лестнице залез на крышу школы? Это еще к чему? Что ты – в трубочисты готовишься?

– Нет. Ни в художники, ни в писатели, ни в трубочисты... Я буду матросом» (Гайдар, 1967, с. 8).

Не менее важно происхождение героя Н. Огнева: Костя Рябцев – «сын трудящегося элемента». Автор не обходит стороной и его позицию по отношению к буржуазии – негодуя по поводу нововведенной системы обучения, он возмущается исключительно происхождением ее создателя: «Я так скажу: на кой нам этот буржуазный план? И еще говорят, что этого лорда кормили одной гусиной печенкой и студнем, когда он изобретал. Посадить бы его на осьмушку да на воблу и посмотреть! Или по деревням заставить побираться, как мы в колонии, бывало» (Огнев, 1988, с. 423).

Отношение героя А. Гайдара, Бориса Горикова, к буржуазии прочитывается в сцене, которая дается автором вслед за событиями свержения царской власти: Борис сидит на чердаке и смотрит на зарево от пожара барской усадьбы Полутиных: «Я улыбался сквозь слезы, еще не высохшие после тяжелой утраты, радуясь, что “веселое время” подходит» (1967, с. 63-64). Но пока позиции этих двух героев выглядят лишь как недоброжелательство, которое у А. Н. Островского (1974, с. 29) выльется в настоящую ненависть уже с первых страниц романа, когда Павка насыпет попу в пасхальное тесто горсть махры.

Положительность героев А. Гайдара и Н. Огнева заключена не только в их происхождении и четко сформированной позиции по отношению к буржуазному классу, они обладают рядом типичных личностных черт. Горячность в отношении общего дела, авантюризм вперемежку с колоссальной самоуверенностью сквозят в характеристике Кости Рябцева, составленной шкрабами, и Бориса, примкнувшего к отряду Шебалова: «Когда будет бой, я нарочно не буду нагибаться, и если меня убьют, то тоже ничего. Тогда матери напишут: “Сын ваш был коммунист и умер за великое дело революции”. И мать заплачет и повесит мой портрет рядом с отцовским, и новая, светлая жизнь пойдет своим чередом мимо той стены» (Гайдар, 1967, с. 181). Обостренное чувство справедливости – еще один маркер социалистического сознания. Правдолюбие Рябцева прорывается в сцене, когда он узнает о беременности Лины и дает отпор Веньке Палкину: «Нет, ты уж пей и развратничай со своими приятелями, а нашу школу в покое оставь!» (Огнев, 1988, с. 502). То же чувство будет культивировано Н. Островским в образе Павки, еще юнцом подслушавшего рыдания опозоренной Фроси, «вздрагивающей и бьющейся о поленья головой» (1974, с. 39), а после столкнувшегося со зверствами петлюровцев в отношении Христины и белополяков, изнасиловавших и казнивших Валю Брузжак и Розу Грицман: «И, отъезжая от ворот, Павел вспомнил последние слова приказа Ренсовета, прочитанные перед полком: “Рабочекрестьянская страна любит свою Красную Армию. Она гордится ею. Она требует, чтобы на знамени ее не было ни одного пятна”. – Ни одного пятна, – шепчут губы Павла» (1974, с. 181).

Однако герои А. Гайдара и Н. Огнева еще не пришли к исключительной положительности. Траектория трансформации Кости Рябцева и Бориса Горикова идентична – это путь от стихийности к сознательности, послушанию партии. Движение героя от анархии к дисциплине, стремление к решению противоречий между естественными потребностями людей и интересами общества, как указывает К. Кларк, является задачей литературы соцреализма (Clark, 2000). Именно такой путь впоследствии проходит Павка в романе Н. Островского. В словах товарища Сегала заключена основная идея романа: «Юноша еще не совсем ушел от стихийности. Живет чувствами, которые в нем бунтуют, и вихри этих чувств сшибают его в сторону» (Островский, 1974, с. 199). Это, заметим, после того, как он сознательно отказался от своей любви к Тоне в стремлении принадлежать партии (Островский, 1974, с. 191).

Соцреализм требует не только тотальной дисциплины в личной жизни, но переустройства всего внутреннего мира человека. Стихийность Рябцева последовательно воплощена на протяжении всего повествования: бунтарство в отношениях со шкрабами, кража яблок в саду Моисея Маркельча, участие в потасовке и избивание Григорьева и как итог – проблема с учебой, что оказывается совершенно недопустимо для члена партии. Его путь лежит через потери и постепенное отдаление от общества. Первой крупной утратой для Кости является смерть Ленина, осмысливая которую «он постаршел лет на десять», далее следует разрыв с Сильвой,

после которого он ощущает полное одиночество: «И вообще вышло так, что у меня образовались дела, которые я знаю один. <...> И теперь этот дневник – словно близкий друг, с которым я говорю решительно все» (Огнев, 1988, с. 508). Вокруг Рябцева кипит общественная жизнь: он назначен в учкомы, отстаивает перед Елникиткой права учеников, пытается работать с беспризорниками, а после получения партбилета входит в школьный совет от форпоста, но, будучи индивидуалистом, он не может встроиться в общественную жизнь и потому чувствует себя глубоко одиноким. Ближе к концу повести то и дело появляются записи о том, что его сторонятся ребята (Огнев, 1988, с. 589), и кульминацией этого является его собственное признание Иванову: «Все-таки, Иванов, снимайте меня с пионерской работы <...>. Трудно, понимаешь?.. Я теперь вижу, что я индивидуалист и что больше приношу вреда, чем пользы» (Огнев, 1988, с. 599). В отличие от Павки Корчагина, направление развития которого, по словам Х. Гюнтера, отличается последовательным восходящим движением вверх (Gunther, 1990, p. 195), Рябцев развивается иначе – подобно Николаю Аbbleухову А. Белого, траектория становления личности которого представляет собой нисходящее движение вплоть до точки, за которой следует символическая смерть. Только пережив ее, герой А. Белого начинает восходящее движение, получает новый шанс обрести себя. У Н. Огнева Рябцев также переживает символическую смерть, когда признает, что своим индивидуализмом приносит вред обществу – он умирает как стихийная личность – и также, подобно Аbbleухову, получает второй шанс в словах Иванова: «Оставайся» (1988, с. 600). Но если традиция романа воспитания в 1910-1920-х гг. воплотилась в стремлении героя к индивидуализму, внутреннему развитию, обособлению своей личности от внешнего мира (романы «Мы» Е. Замятина, «Петербург» А. Белого), то уже в 1926 г. на службе у пролетариата мог остаться только тот, кто сознательно отрекся от стихийности и индивидуализма, кто был готов безоговорочно подчиниться требуемой сверху партийной дисциплине. Таким образом, финал «Дневника Кости Рябцева» транслирует мысль о том, что любой индивидуалист способен воспитаться в рамках соцреалистической идеологии, стать полезным обществу, и даже больше – безоговорочно подчиниться системе. Отметим, что в «Дневнике» важен еще не сам процесс обезличивания, как это будет у Н. Островского, от героя требуется только одно – его согласие. Подобное согласие требовалось и от замятинского Д-503: неспроста накануне он так поражен сообщением S о том, что «бесконечности нет». «Бесконечности» в замятинском тексте – значит души, а в соцреалистическом романе – индивидуальности. В обоих текстах через отрицание достигается согласие: «если души нет, то и фантазия не нужна», «если индивидуализм мешает общему делу, то ему нет места». Роман протоканона приводит своего героя почти к финалу романа Замятина «Мы»: Рябцев добровольно соглашается на искоренение своей индивидуальности.

Путь становления героя А. Гайдара – путь ошибок и преодоление их. Впервые он проявляет малодушие в первом доверенном ему задании: в решающий момент он не способен выстрелить в белогвардейца и в растерянности роняет винтовку. Позже в плену белых он трусит, не решаясь спасти Чубука: «Что бы я ни говорил, как бы я ни возбуждал себя, мне окончательно не хотелось идти и становиться к стенке» (Гайдар, 1967, с. 209). Он испытывает жгучее чувство вины, но и эта ошибка не избавляет его от стихийности – за ней следуют нарушения приказов Шебалова в роте Федя Сырцова, которые приводят к трагической гибели ротного командира Галды. Подобно Косте Рябцеву, Борис погружается в чувство одиночества: «Дружбы особой нет ни с кем. Мало того, косятся даже ребята» (Гайдар, 1967, с. 238). Одиночество в соцреалистическом романе – своеобразное наказание героя за его свободолюбие, за отсутствие дисциплины, за то, что личные интересы поставлены выше общих. В романе Н. Островского (1974, с. 228) «как зачумленного» начинают сторониться дезертира, не пожелавшего жертвовать здоровьем на строительстве дороги и отказавшегося от партийного билета: он наказан именно одиночеством.

Стихийность в соцреализме непременно должна быть побеждена, а потому исправление Бориса начинается со вступления в партию: Шебалов становится «крестным папашей». Борису, как и Рябцеву, дан второй шанс, а потому в финале он героически транслирует результат свершившегося социалистического воспитания: падая от пули в снег, он размышляет только об одном – о том, что «светлую жизнь» возможно найти только всем вместе (Гайдар, 1967, с. 246). Таков путь становления обоих героев – от анархического, свободолюбивого мышления к партийной личности, строгой дисциплине и служению общим идеалам. Описанное становление – это всегда отказ от «личного» в пользу общего, это своеобразное жертвоприношение, совершаемое во имя социализма. Но жертва эта не выглядит жертвой в рамках коммунистической идеологии, это единственно правильный путь.

В романах 1920-х гг. эта жертвенность еще не выражена с той убедительностью, с которой будет сформулирована позже, у А. Н. Островского Панкратовым: никакие нечеловеческие условия не способны стать причиной прекращения строительства подъездного пути для доставки дров в город, потому что этого «не позволяет идея и дисциплина» (1974, с. 238); «пять раз сдохни, а ветку построить надо. Какие мы иначе большевики будем...» (1974, с. 226). Личные и пусть даже объективные причины перестают быть не только аргументом, но и становятся укором. Таким образом, роман воспитания транслирует одну основополагающую идею социализма – от свободомыслия к безоговорочному послушанию и даже инициативной жертвенности во имя общих идей. Само воспитание – согласимся с К. Кларк – трудно назвать персонализированным, оно ритуализировано и лишено самоценности (Clark, 2000), конечная цель формирования героев – обезличивание. Потому тексты, относящиеся к фазе протоканона, уже транслируют схематизм, который превращает роман воспитания в роман фигуры.

Ф. Йост справедливо называл Bildungsroman «предроманом, преамбулой, поскольку в нем рассказывается о становлении человека в самом начале его пути до тех пор, пока он не будет готов “продолжить свой роман”» (Jost, 1969, p. 99). Примечательно, что произведения А. Гайдара и Н. Огнева не дают читателю полной программы развития героя вплоть до зрелости, не охватывают серьезный хронологический период жизни

протагониста, оставляя его как бы на пороге дальнейших подвигов на службе строительства «светлого будущего», не предлагают образца этого служения.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, изучение романа воспитания на протяжении XX в. развивается достаточно активно, при этом в теоретическом обосновании жанра сделаны определенные успехи, касающиеся своеобразия образа героя, истории становления и развития Bildungsroman в европейской традиции, а также его отдельных структурных особенностей, намечены пути изучения жанровой традиции и на русской почве, однако до сих пор не представлено его целостного осмысления в отечественной литературе XX столетия, отразившей смену парадигм художественного сознания – от модернистских концепций, соцреализма и реализма до постмодернизма. Во-вторых, фаза соцреалистического протоканона адаптировала традицию романа воспитания под транслируемую в современный ему исторический период идеологию: роман воспитания был своего рода «символической формой», которая служила в Европе инструментом переосмысления современности. То же самое произошло и в литературе социалистического реализма. В-третьих, жанровая традиция романа воспитания, представленная в произведениях А. Гайдара и Н. Огнева, воплощает общую универсальную идею соцреалистического романа – воспитание трудящихся в духе соцреализма. Во-четвертых, главные герои оказываются носителями соцреалистического сознания со свойственной им и четко сформированной позицией неприятия и тотального отвержения буржуазного класса и обостренным чувством справедливости. В-пятых, герои А. Гайдара и Н. Огнева еще не исключительно положительные: путь преобразования Кости Рябцева и Бориса Горикова идентичен – это путь от стихийности к «сознательности». Наконец, в отличие от героев социалистического реализма, для которых характерно последовательное восходящее направление развития характера, траектория развития личности героев А. Гайдара и Н. Огнева – это нисходящее движение вплоть до символической смерти. Личностная траектория героев А. Гайдара и Н. Огнева – нисходящее движение до момента, за которым следует символическая смерть. Только пережив ее, они начинают движение вверх, получают новый шанс найти себя.

Перспективой исследования может стать, во-первых, анализ обширного пласта художественных произведений, не только хронологически не относящихся к соцреализму, но, с одной стороны, содержащих его черты, а с другой – продолжающих традицию классического Bildungsroman. Во-вторых, исследование отечественного романа воспитания последующих этапов (от, к примеру, прозы Л. Добычина, В. Каверина и др. до образцов жанра «нулевых»).

Источники | References

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
3. Биберган Е. С., Богданова О. В. Концептуальные стратегии пост(соц)реализма (роман А. Тургенева «Чтобы бог тебя изнутри разорвал на куски!») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 2.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
5. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М.: Академический Проект, 2000.
6. Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: жанр и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2001.
7. Дialeктова А. В. Воспитательный роман Х. М. Виланда «История Агатона»: дисс. ... к. филол. н. М., 1972.
8. Добренко Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика политики: в 2-х т. М.: НЛО, 2020. Т. 1.
9. Добренко Е. А. Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007.
10. Добренко Е. А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературы. СПб.: Академический Проект, 1997.
11. Краснощекова Е. А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008.
12. Лейдерман Н. Парадоксы «Русского леса» // Вопросы литературы. 2000. № 6.
13. Литовская М. А. Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод // Филологический класс. 2008. № 1 (19).
14. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. «Шут» Ю. Вяземского vs «Шут» А. Эшпая: специфика кинематографической интерпретации образа литературного героя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5.
15. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. Черты фигурализма в поэтике романа В. Каверина «Два капитана» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. Вып. 3 (2).
16. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков: генезис и эволюция: дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2005.
17. Синявский А. Что такое социалистический реализм. Париж, 1988.

18. Шалагинов Н. В. Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса: дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2006.
19. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Bloomington – Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2000.
20. Gerhard M. Der deutsche Entwicklungsroman bis zu Goethes «Wilhelm Meister». Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1926.
21. Gunther H. Education and Conversion: The Road to the New Men in the Totalitarian Bildungsroman // The Culture of the Stalin Period / ed. by H. Gunter. L., 1990.
22. Jacobs J. Wilhelm Meister und seine Brüder. Untersuchungen zum deutschen Bildungsroman. München: W. Fink, 1972.
23. Jost F. La tradition du Bildungsroman // Comparative Literature. 1969. № 21 (2).
24. Kirchner A. Wilhelm von Humboldt – Theorie der Bildung des Menschen. Weinheim – München: GRIN Verlag, 2008.
25. Selbmann R. Der deutsche Bildungsroman. Stuttgart: J. B. Metzler, 1984.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

EN The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-01007, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Информация об авторах | Author information

RU **Осьмухина Ольга Юрьевна**¹, д. филол. н., проф.
Овсянникова Екатерина Павловна²
¹ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск
² Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург;
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

EN **Olga Yurievna Osmukhina**¹, Dr
Ekaterina Pavlovna Ovsyannikova²
¹ National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
² Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg;
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ osmukhina@inbox.ru, ² ovsyannikova-kate@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.05.2024; опубликовано online (published online): 28.06.2024.

Ключевые слова (keywords): русская проза конца 1920-х годов; соцреализм; традиция Bildungsroman в литературе соцреализма; творчество Аркадия Гайдара; творчество Николая Огнева; Russian prose of the late 1920s; socialist realism; Bildungsroman tradition in socialist realist literature; creative work of Arkady Gaidar; creative work of Nikolai Ognev.